

Чтобы было понятно, знак полета — это перекрещивание рук, точнее, запястий, а затем хлопанье пальцами и движение рук вперед-назад, словно крылья птицы. — Гарри размышлял вслух, его речь ускорялась, словно заведенный механизм. — Я думаю, что с помощью палочки я этого сделать не смогу... Ну, может быть, и смогу, но, по-моему, это слишком сложно для того, что я хочу сделать. Хотя, может быть... — Он замолчал, и на его лице расцвела настоящая улыбка. Северус невольно улыбнулся в ответ. Тяжело было смотреть на этого Гарри и думать о том, сколько всего у него отняли. Каким был этот мальчик на самом деле? Серьезным, мрачным ребенком? Или новаторски взволнованным? А может быть, в нем сочетались обе эти черты? — А потом я нашел знак «летать». Просто делать реальную вещь, как это, похоже, делает «Вингардиум Левиоса», по крайней мере, в первой половине инструкции. И делается это так же, как вы говорите «Я люблю тебя» на языке жестов, как ни странно. Выставляете большой, указательный и мизинец и поднимаете руку в воздух, будто играете с самолетом, птицей или чем-то еще. Это имеет смысл, сэр? — Да. А теперь как ты сможешь соединить все это вместе? — Я тут подумал... я подумал, сэр, — Гарри закусил губу и несколько раз сжал пальцы, ходя взад-вперед перед собой. — Я подумал, что поскольку направление «вверх» — это то, что я хочу, но я также хочу, чтобы оно поднималось, летало, то я мог бы держать свою палочку... она должна быть в моей правой руке, несмотря ни на что, сэр. Потому что у меня нет мизинца... я имею в виду, мизинца... Северус прервал его, прежде чем тот успел еще больше разволноваться. — Я понимаю, Гарри. Покажи мне, что ты хочешь сделать, — терпеливо предложил он. Гарри нервно улыбнулся, уже не так лучезарно, как раньше. — У вас есть перо, сэр? Северус не стал объяснять, что заклинание не обязательно должно быть наложено на перо. Вместо этого он трансфигурировал для Гарри сломанное перо, которое нашел в своем столе. Он повернулся и увидел, что Гарри смотрит на него с тем же возбужденным блеском в глазах. — У меня тоже есть идеи по поводу трансфигурации, сэр, — несколько застенчиво признался мальчик. — Возможно, вам стоит обсудить их с профессором МакГонагалл. Уверен, ей будет интересно их выслушать, — предложил Северус, нахмурившись от неожиданно мрачного выражения, которое появилось на лице Гарри при виде его идеи. — Ш-ш-ш-ш, — заикнулся Гарри, а затем покачал головой, почти сердито поджав губы. — Она не хочет меня слушать, сэр. Глаза Северуса слегка распахнулись от удивления. — Твои родители были одними из ее любимых учеников, Гарри. Я не могу представить, чтобы она не чувствовала того же самого. На лице парня появилась горькая гримаса, и Северус молча поклялся поговорить с Минервой. — А вот и нет. Сэр. Может быть, она что-то имеет против уродов, — тело Гарри почти дрожало от напряжения, и Северус счел за лучшее продолжить разговор, а не затрагивать эту взрывоопасную тему дальше. — Я сомневаюсь, что она считает тебя уродом, Гарри. Ты не такой, как все, — сказал он, не моргая, глядя в зеленые от гнева глаза своего ученика. — Да, сэр, — это были единственные слова, которые произнес мальчик. — А теперь покажи мне свой знак «Вингардиум Левиоса». Уже почти комендантский час. После этого я сам провожу тебя в твою комнату в общежитии. — Да, сэр, — снова ответил Гарри, но на этот раз его поза немного расслабилась, а костяшки пальцев больше не были белыми от едва подавляемых эмоций. Не говоря ни слова, Гарри схватил правой рукой свою палочку, а левой сделал знак «лети». Он взмахнул палочкой, как велел Северус, а затем с сосредоточенным видом направил палочку на перо, оттолкнувшись левой рукой от палочки, и поднялся в воздух. Белое перо вспыхнуло перед ними, взмыв к потолку. Мгновенно весь облик Гарри расслабился, и он издал смешок. Он медленно опустил руку обратно на кончик палочки, и перо, в свою очередь, опустилось вместе с ней, а затем снова опустилось на столешницу перед ними. Северус начал что-то говорить, но Гарри прервал его, рухнув на жесткую студенческую скамью позади него. Подперев голову руками, Северус наблюдал за тем, как плечи Гарри затряслись, а затем он начал раскачиваться взад-вперед; его рыдания были едва слышны в тишине класса. Северус пытался дать ему время сдержаться, но мальчик, казалось, не мог успокоиться, и его плач становился все громче, а движения — все более возбужденными, чем дольше он плакал. Глубоко вдохнув, он переместился через пространство, отделявшее его от

змеи, и медленно сел на скамейку рядом с Гарри. Нехотя он протянул испачканную зельем руку и положил ее на плечо мальчика. — Ни на что не годный урод, — прохрипел Гарри, слегка наклоняясь к руке Северуса. — Никогда ни на что не годился; никогда ничего не стоил, — Гарри тяжело сглотнул и поднял на него глаза. — Не стоит кормить. Слезы потекли струйкой, когда он продолжил. — Не стоит любить, — его лицо сморщилось, когда он мужественно боролся с тем, чтобы снова не потерять контроль над собой. — Не стоит спасать, — наконец добавил он, покачивая головой взад-вперед, когда из его ярких зеленых глаз вытекла еще одна слеза. Глаза Лили. — Не стоит хранить, — выплюнул Гарри, прикусив губу так сильно, что на ней образовались заметные вмятины. — А Дамбл... — поперхнулся он, не в силах произнести имя этого человека. — Он бросил меня, сэр. Он... — слезы снова навернулись на глаза Гарри, но мальчик, казалось, был полон решимости вымолвить слово. — Он говорит, что любит меня, — Гарри яростно задрожал рядом с волшебником, и горячий ветерок, пахнущий бензином и кровью, пронесся мимо лица Северуса. — Говорит, что любит меня, но чертов ублюдок отправил меня обратно. Он отправил меня обратно к ним! Ярость Гарри вырвалась наружу, когда вся доска вспыхнула ярко-синим пламенем. Северус только взглянул на него, чувствуя, что лучше не сводить глаз с мальчика перед ним. Гарри нужно было успокоиться, пока они все не сгорели. — Он знал? — Северусу не нужно было уточнять, что именно. — Я сказал ему. И он... — Гарри отвел взгляд и, кажется, впервые заметил горящую доску. Через мгновение пламя исчезло, и доска была в порядке. Запах, который присутствовал несколько секунд назад, исчез, и Северус почувствовал, как по центру его тела пробежал странный холодок от мысли о возможных последствиях такой силы. — Он. Посмотрел. В мои глаза, сэр. И он увидел, — Гарри снова задрожал, но сумел взять себя в руки. Сделав глубокий, дрожащий вдох, Гарри продолжил: — Он увидел... я знаю, что он увидел... и отправил меня обратно, сэр. Лицо мальчика внезапно остепенилось, глаза потухли, хотя в них ещё мерцали слезы. Гарри покачал головой: — И пусть все считают его великим, замечательным, чертовски богоподобным... Но он похож только на одного бога, которого я знаю, и говорят, что там жарко. — На губах Гарри мелькнула горькая гримаса, но тут же исчезла, словно растаяла. Он безвольно повалился на Северуса, вся борьба ушла из его тела. Северус осторожно поднял голову Гарри к своему лицу. Глаза мальчика были всё ещё открыты. — Я больше не позволю им причинить тебе вред. Дамблдор может говорить, что хочет, но теперь ты под моей ответственностью, а я забочусь о своих. — Он прикоснулся тыльной стороной пальцев к мокрой щеке Гарри. — Я очень горжусь тем, что тебе удалось сделать сегодня, маленький Снейк. Теперь ты можешь идти спать. Я не позволю ему прикасаться к тебе. При этих словах глаза Гарри окончательно закрылись. Северус услышал глубокие, медленные вздохи ребенка. Осторожно взяв Гарри на руки, он отнес его в свою каюту и превратил диван в кровать. Ему было о чем подумать.